

Се Сун приоткрыл крышку и при тусклом свете принялся разглядывать тело. Внимательно осмотрев его, он, преодолевая отвращение и страх, дотронулся до покойного пару раз.

Хорошо, что погода уже похолодала — будь на дворе лето, один только запах свёл бы с ума. Размышляя об этом, Се Сун провёл рукой по одежде Тао Тина и вдруг почувствовал, как под тканью что-то зашевелилось.

Волосы на его теле встали дыбом, и он отпрыгнул на полметра назад. В комнате на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь его собственным прерывистым дыханием.

В голове мелькали пугающие образы: то окровавленная рука, то бледный, с открытыми глазами Тао Тин, внезапно поднимающийся из гроба.

Се Сун уставился на гроб, не смея моргнуть. Лишь когда глаза начали слезиться от напряжения, а сердцебиение немного утихло, он наконец позволил себе мигнуть. Смахнув влагу с век, он сделал несколько глубоких вдохов и снова приблизился.

У ворота одежды Тао Тина что-то вздувалось и шевелилось. Собрав всю смелость, Се Сун дотронулся до этого места. Под пальцами что-то резко дёрнулось, задвигалось ещё сильнее.

Се Сун мгновенно отдернул руку и увидел, как из-под ворота выползает длинный, иссиня-чёрный червь. Он извивался, напоминая дождевого, но был гораздо толще и длиннее.

Само появление этой твари выглядело подозрительно — словно на ней было написано, что она не простая. Се Сун сглотнул, достал из-за пазухи платок и уже собрался извлечь червя, как тот вдруг извился и снова юркнул под одежду.

Се Сун рванулся вперёд, но было поздно — червь уже проделал дыру в коже Тао Тина и скрылся внутри. Поскольку тот был мёртв уже двое суток, крови не последовало.

Однако зрелище под кожей шевелящегося паразита было поистине жутким. При лунном свете лицо Се Суна стало мертвенно-бледным.

Внезапно червь снова выбрался наружу, извиваясь на одежде покойного. Се Сун смотрел на него, не решаясь схватить. А что, если эта тварь заберётся и в его тело?

Пока он размышлял, со двора донёсся звук шагов. Се Сун быстро прикрыл гроб и юркнул в тень за дверь. Едва он укрывся, как калитка отворилась.

Вошёл Тао Фэйгуан с фонарём в руке. Его белые траурные одежды мерцали в ночи, словно призрачные. Се Сун затаил дыхание, боясь быть обнаруженным.

Тао Фэйгуан вошёл в комнату, зажгёт ещё две лампы, и помещение стало значительно светлее. На этот раз он не опустился на колени перед гробом, а подошёл к нему вплотную.

С этого ракурса Се Сун не видел, что делает Тао Фэйгуан — лишь его спину, обращённую к двери. Он гадал, что тот задумал, когда услышал скрип.

Это была крышка гроба.

«Не к добру», — мелькнуло у Се Суна. Тао Фэйгуан не знал о странном черве на теле отца. Если тварь проникнет в него, беды не миновать. Да и выглядел червь подозрительно — кто знает, ядовит ли он?

Если ядовит, и проползёт внутри тела, Тао Фэйгуану несдобровать.

Выскочить и остановить его? Или остаться в укрытии и сделать вид, что ничего не видел? Се Сун метался в сомнениях. Он уже почти не сдержался и готов был крикнуть, как вдруг Тао Фэйгуан резко взмахнул рукой, и что-то тёмное шлёпнулось на пол.

При лунном свете Се Сун разглядел на земле извивающегося червя.

Тао Фэйгуан по-прежнему стоял спиной. Се Сун тревожно прислушался, не ранен ли тот, и вдруг услышал тихий, низкий смешок.

Ночной ветер был холоден, и этот смешок разорвал ночную тишину, заставив Се Суна необъяснимо похолодеть внутри. Он ещё глубже затаился в тени. Ему хотелось выглянуть и разглядеть, что происходит, но он боялся шумом выдать себя. В этот момент Тао Фэйгуан произнёс: «Хорошим отцом ты был... Жаль, что не для меня».

Произнеся это, он надолго замолчал. Затем раздался глухой стук — крышку гроба закрыли. Се Сун нахмурился, вновь и вновь прокручивая в голове слова старшего сына Тао. Чем больше он думал, тем страннее они казались.

Вдруг Тао Фэйгуан вышел наружу, держа в левой руке меч. Он взглянул на уползающего к траве толстого червя, и лезвие сверкнуло в воздухе, рассекая тварь пополам одним ударом.

Он пнул обе половинки в сторону, в траву, и вытер клинок о рукав своего белого траурного халата. «Мерзость», — равнодушно бросил он и вернулся в дом.

Се Сун беспокоился, не останется ли Тао Фэйгуан здесь на всю ночь, но тот задул лампы в комнате и, взяв фонарь, удалился.

Убедившись, что тот ушёл достаточно далеко, Се Сун выбрался из укрытия. Недолго порывшись в траве, он нашёл две половинки червя.

Достав из-за пазухи платок, он завернул в него останки и положил свёрток в мешочек, подаренный Лу Чэньби. Закончив, он вдруг пожалел.

И платок, и мешочек были из дорогой ткани, а теперь в них лежала такая мерзость. Се Сун с отвращением смотрел на свёрток, крепко сжав брови.

Уже начинало светать. Не мешкая, Се Сун тем же путём вернулся в гостиницу. Влез в комнату через окно, вынул из мешочка останки червя и, осмотревшись, нашёл небольшую деревянную шкатулку, куда и поместил их.

Только тогда он наконец расслабился, разделся и лёг спать. Но едва глаза его сомкнулись, сон даже не успел начаться, как обитатели гостиницы — люди ремесла — стали просыпаться.

Громкие возгласы и переключки наполнили маленькую гостиницу. Се Сун вновь открыл глаза, вспомнив слова слуги. «И вправду голосистые», — подумал он.

Наверное, многие представляют мастеров боевых искусств такими, как в народных сказаниях: пьющими вино из больших чаш и жующими огромные куски мяса. Оттого и кажутся они простому люду этакими грубыми силачами.

Донеслись звуки бьющейся посуды и, кажется, возглас вчерашнего слуги.

Се Сун перевернулся на другой бок, отгородившись от шума. Если бы они видели молодых господ из знатных боевых семей... Возьми хоть Тао Фэйгуана из Школы Беззаботных. Стоит ему выйти в тёмно-зелёном шёлковом халате, с осанкой и манерами — любой поверит, что перед ним отпрыск знатного аристократического дома.

Шум за стеной понемногу стих. Веки Се Суна вновь тяжело сомкнулись.

Внезапно он вспомнил Лу Чэньби, изысканного молодого господина из Усадьбы Мечного Сияния. Одежда, которую он носил, пища, которую вкушал, — всё было высшего качества и под стать ему.

Золото, серебро, яшма — всё это казалось для него не более чем пылью под ногами. Характер его был непостижим, но это не была капризная высокомерность.

Размышляя об облике Лу Чэньби, Се Сун вспомнил тот день в приёмной Усадьбы Золотого Изящества. Среди множества людей никто не знал, что он стоял рядом с Лу Чэньби.

И именно перед всеми этими людьми Лу Чэньби неожиданно вступился за него. Прокручивая в голове те несколько сказанных тогда фраз, Се Сун постепенно погружался в дрему.

Он уже висел на грани сна, боясь заснуть слишком крепко, как вдруг вспомнил о ручной жаровне, которую Лу Чэньби сунул ему в руки, велел согреться.

Грудь, к которой прикоснулась тогда жаровня, вновь будто согрелась — словно тот тёплый предмет снова лежал на ней. Наконец он закрыл глаза, отогнал лишние мысли и спокойно заснул.

Проснулся он, когда за окном было ещё серо и пасмурно. Лу Чэньби, накинув халат на плечи, приоткрыл окно. Тёплый аромат, тлевший в комнате, устремился наружу, а несколько капель дождя забрызгали подоконник.

С распущенными волосами Лу Чэньби вдохнул влажный, прохладный воздух, и настроение его почему-то улучшилось. Он постоял у окна, наблюдая, как дождь стучит по голым веткам, пока вдруг не вздрогнул от холода. Тогда он поспешил закрыть окно и вернулся в постель.

Едва он снова согрелся, в дверь постучали. Лу Чэньби отозвался, и в комнату вошла Цинь Шуан с подносом.

— Что сегодня варили? — спросил он.

— Сегодня приготовили сладкий суп, только что с огня, — ответила Цинь Шуан.

Лу Чэньби кивнул и тут же чихнул.

— Как это ты умудрился простудиться, сидя в комнате? — Цинь Шуан потрогала его лоб, беспокоясь, не слишком ли лёгкое было одеяло, и не замёрз ли он ночью.

— Ничего, — отмахнулся Лу Чэньби. Суп был ещё горячим, и он принялся пить его маленькими глотками. Выпив около половины, он почувствовал, как по телу разливается приятное тепло.